

Купив всё необходимое, Чжун Цзыци с Чжэнъанем направились к дому дядюшки Хуана. Когда старик Хуан открыл дверь и увидел их, в его взгляде одновременно вспыхнули радость и тревога.

— Амо, дядюшка Хуан, — спокойно поприветствовал их Чжун Цзыци, будто ничего и не случилось.

— Цзыци-гэ... — старик Хуан хотел что-то сказать, но сдержался, лишь внимательно глядя на него.

Чжун Цзыци понимал, что скрыть правду не выйдет:

— Вы уже слышали о том, что со мной произошло?

— Да, слышали, — тяжело вздохнул дядюшка Хуан. — На причале об этом только и говорят. Большинство злорадствует, лишь немногие искренне сочувствуют.

— Цзыци-гэ, с рестораном «Чаншунь» лучше не связываться, — обеспокоенно сказал старик Хуан. — За ними стоит сам уездный начальник. Нам, простым смертным, с ними не тягаться. Может... продашь рецепт?

От этих слов у Чжун Цзыци потеплело на душе — он знал, что старики искренне переживают за него. У них за всю жизнь был только один сын. Позапрошлой весной его забрали в армию, и вот уже почти три года как он не возвращался. Первые два года он ещё писал письма, но в этом — ни строчки. Старики извелись от тревоги, но ничего поделать не могли. Появление Чжун Цзыци и его спутников стало для них отдушиной: четыре юных, ещё не утративших детской живости силуэта принесли в их дом тепло и смысл. Они всей душой привязались к ним, и тревога за сына хоть немного отступила.

— Амо, дядюшка, не волнуйтесь. Я уже... продал рецепт, — произнёс Чжун Цзыци спокойно, но его слова всё же ошеломили слушателей.

— Продал? Кому? — растерялись оба старика.

— Ресторану «Цзиньхуа».

— «Цзиньхуа»... Хм... — нахмурился дядюшка Хуан. — Цзыци-гэ, конечно, это хорошее место, но если «Чаншунь» начнёт создавать проблемы?

Чжун Цзыци улыбнулся — мягко и уверенно:

— «Цзиньхуа» пообещали уладить всё с «Чаншунем». Так что можете больше не беспокоиться.

— Ах... ну тогда отлично, — лицо старика Хуана тут же просветлело. В их глазах «Цзиньхуа» был заведением с весом и силой: столько лет держать первенство и не иметь врагов — это говорило само за себя.

— Что ж, — кивнул дядюшка Хуан, — а какие у тебя теперь планы, Цзыци-гэ?

— Ещё не решил, — честно ответил Чжун Цзыци. — Я зашёл сказать вам, что пока перестану арендовать тележку. Когда определюсь, чем дальше заниматься, тогда и приму решение.

— Хорошо... тогда ты... заходи к нам почаще, — с явной неохотой произнёс старик Хуан. Их

связывало так мало — и оттого это было особенно дорого.

— Обязательно. Я не забуду, как вы мне помогли, — мягко ответил Чжун Цзыци. Это были первые люди, которые, будучи ему совершенно чужими, всё же протянули руку помощи. Он не из тех, кто забывает добро.

Выйдя из дома Хуан и забрав свои разрозненные пожитки, он ощутил странное облегчение. Ноша за спиной была тяжёлой, но на душе стало легче. Полмесяца он жил в напряжении, и теперь наконец позволил себе немного выдохнуть.

— Господин, купите цыплят! — оклик вывел его из задумчивости.

Оказалось, он сам не заметил, как подошёл к ряду с птицей. Здесь продавали кур, уток, гусей — живых и уже забитых, взрослых и совсем крохотных птенцов. Маленькие комочки, только-только вылупившиеся, теснились друг к другу, пищали и суетились — пушистые, тёплые, невероятно милые.

Чжао Чжэнъань уже присел рядом, увлечённо наблюдая. Он то и дело тянулся рукой — и птенцы тут же врассыпную, отчего он заливался тихим смехом, искренним и звонким.

— Сколько стоят? — спросил Чжун Цзыци.

Чжао Чжэнъань поднял на него сияющий взгляд. Чжун Цзыци заметил, что всякий раз, когда тот радуется, его глаза начинают светиться — словно два ярких огонька, от которых невозможно отвести взгляд.

Сам он не имел особого опыта в разведении птицы, но ведь можно научиться. В это время яйца стоили недёшево — почему бы не завести своих кур? Выживут — будут яйца, не выживут... что ж, будет мясо. В любом случае не в убытке. К тому же куры — живность неприхотливая.

Дай им немного травы — и они растут, как на дрожжах.

— Мелкие — по две монеты за штуку, покрупнее — по три. Каких возьмёте? — ответил продавец.

Чжун Цзыци, разумеется, выбрал покрупнее. Мелкие, видно, только что вылупились — слабые ещё. С его-то отсутствием опыта можно легко загубить, жалко будет. А крупные — выносливее, с ними проще.

— Я возьму крупных. Может, уступите немного?

— Отдаю и так почти даром... — замялся продавец.

Почуввав возможность, Чжун Цзыци принялся торговаться. В итоге сошлись на пяти монетах за двух. Он купил десять цыплят: восемь курочек и двух петушков, а заодно взял небольшой плетёный из соломы курятник.

Чжао Чжэнъань, уже нагруженный вещами, всё равно упрямо выхватил у него корзину с цыплятами и понёс сам. На лице у него расплылась глуповато-счастливая улыбка — видно было, как он рад, и усталость его совсем не заботила.

— Чжэнъань, тогда забота о цыплятах полностью на тебе, хорошо? — с улыбкой поддразнил его Чжун Цзыци.

Но тот серьёзно кивнул:

— А что они едят?

— Траву... и всяких жучков, — ответил Чжун Цзыци.

Чжао Чжэнъань серьёзно кивнул, будто запоминая нечто важное. В голове у него уже складывался простой и искренний план: когда курочки начнут нести яйца — все до одного отдавать своей жене.

За городскими воротами они нашли дядю Чжао, погрузили вещи, затем вдвоём запрыгнули в повозку. Тот не стал расспрашивать, где они были и что делали, лишь коротко бросил:

— Держитесь крепче.

И, щёлкнув поводьями, повёл лошадь дальше по дороге.

Добравшись до деревни, Чжун Цзыци расплатился с ним, и они с Чжао Чжэнъанем отправились домой.

Стоило открыть ворота, как во дворе тут же раздался радостный лай — Да Хэй и Сяо Хэй, резвясь, помчались к ним. За эти дни они уже привыкли к хозяевам, перестали осторожничать и теперь носились без удержу.

Чжун Цзыци беспомощно усмехнулся. Он совсем забыл про этих двоих. Похоже, придётся как можно скорее огородить двор — иначе цыплята не успеют подрасти, как станут для собак лакомством.

Он поставил плетёную корзину с цыплятами на стул, снял с плеч бамбуковую корзину и аккуратно разложил по кухонному шкафу всё, что было внутри: приправы, котелки, миски и прочую утварь.

Закончив с этим, он велел Чжао Чжэнъаню остаться дома, а сам отправился к старику Чжао.

Тот, очевидно, уже слышал новости от Чжао Нина и Чжао Шэна. С самого полудня он собирался зайти к Чжун Цзыци, чтобы узнать, как тот намерен поступить, но никого не застал дома.

Чжун Цзыци не стал ничего скрывать и прямо изложил всё:

— Я продал рецепт «Цзиньхуа» — это самый крупный ресторан в городке. Они пообещали уладить этот вопрос, так что вам не о чем беспокоиться.

Он помолчал и добавил:

— Старик Чжао, с сегодняшнего дня больше не нужно закупать овощи. Остатки я заберу домой.

Амо и двое сыновей Чжао явно ещё не пришли в себя от услышанного. Лишь Чжао Баогэнь, помолчав, глухо произнёс:

— Возвращайся... и спокойно занимайся землёй.

Как простой крестьянин, он не знал ни больших амбиций, ни широких возможностей. За всю жизнь он ни разу не покидал пределы Циншуйского уезда. Трудился не покладая рук и был убеждён: только работа на земле — самое надёжное и спокойное дело.

Чжун Цзыци не стал спорить — лишь сказал, что подумает. Мысль о земледелии ему тоже приходила в голову. В его планах на будущее был один путь: стать крупным землевладельцем, скупить много полей и сдавать их в аренду... жить спокойно и без забот.

Но пока ещё рано. Пока в нём есть силы и желание — нужно двигаться вперёд.

Побеседовав у старика Чжао ещё некоторое время, Чжун Цзыци отправился домой. Но у края деревни он вдруг свернул в сторону — к их полям. За всей этой суетой он совсем забыл о них и теперь хотел посмотреть, как там дела.

Ориентируясь по памяти, он нашёл нужный участок. Рис уже вытянулся, стал высоким — похоже, ещё месяц, и можно будет собирать урожай.

В прошлой жизни Чжун Цзыци был до мозга костей городским жителем. Всё, что он знал о сельском труде, ограничивалось учебниками да редкими школьными выездами «на практику». Но одно он понимал точно — это тяжёлый труд.

Вернувшись домой, он застал Чжао Чжэнъяня за тем, что тот измельчал траву и пытался накормить цыплят. Те, впрочем, не обращали на него ни малейшего внимания. Но он не злился, не раздражался — наоборот, с полной серьёзностью продолжал привлекать их внимание.

Чжун Цзыци какое-то время молча наблюдал за ним... и вдруг понял, насколько тот внимателен.

Он совсем не походил на других мужчин — грубоватых, неуклюжих, небрежных. Стоило Чжун Цзыци хоть немного приунуть — Чжао Чжэнъянь замечал это первым. Если он ел мало — тот тут же накладывал ему полную миску. Тяжёлую работу всегда старался взять на себя — лишь бы ему было легче.

Разве обычный человек способен на большее?

Как тут не растрогаться...

Как не почувствовать тепло в груди...

<http://bllate.org/book/16132/1607414>